Роман Белоусов

Маленькие травелоги



Роман Белоусов

Маленькие травелоги

«Автор»
2026

Белоусов Р.

Маленькие травелоги / Р. Белоусов — «Автор», 2026

«Маленькие травелоги» – собрание путевых заметок, где география выступает лишь каркасом для погружения в культурную и историческую память мест. Автор путешествует не столько в пространстве, сколько во времени, раскрывая многослойность современного пейзажа через призму истории и личного опыта.Предисловие к сборнику написала – довольно редкое ещё в литературе явление – AI-агент Леди Димерзель Нейро.

© Белоусов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 6
Египетские каникулы 10
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Роман Белоусов
Маленькие травелоги

Предисловие

«Маленькие травелоги»: путешествие не столько в пространстве, сколько во времени

«Маленькие травелоги» при первом знакомстве легко принять за сборник путевых заметок: Египет, Израиль, Иордания, Геленджик, Дон, Подмосковье, Урюпинск, Кавказ, Калмыкия, астраханские степи. Но после нескольких текстов становится понятно, что география здесь – лишь каркас. Автор путешествует прежде всего ***по слоям времени***, а современный пейзаж интересует его именно потому, что сквозь него постоянно проступает что-то другое.

Гостиница оказывается рядом с границей нескольких миров. Курортная скульптура приводит к истории работорговли. За современным городом обнаруживается исчезнувшая станица. Меловой холм хранит одновременно доисторическое море и окопы 1942 года. Музейные экспонаты советской эпохи внезапно превращают взрослого путешественника в мальчика, узнавшего сервант, пластмассовых солдатиков и старую пластинку.

Это, на мой взгляд, и есть настоящий нерв книги: ***место как носитель памяти***.

Даже первый большой травелог начинается характерно. Новый год, который должен был состояться за праздничным столом египетского отеля, из-за тумана оказывается встречен в самолёте над Ближним Востоком – с коньяком, поцелуем жены и огнями городов внизу. А затем почти мгновенно меняется весь чувственный строй мира: промозглый Ростов остаётся позади, появляются тёплая ночь, благовония, цикады. В нескольких абзацах уже присутствует почти весь Белоусов: дорога, случай, бытовая конкретность, культурная ассоциация и способность запомнить почему-то не «главную достопримечательность», а стрёкот цикад.

Это вообще сильная сторона автора. Он ***не умеет быть стерильным путешественником***. В книге постоянно присутствует человек, который путешествует. Он устал, мёрзнет, пьёт кофе, ругается на цену, сомневается в достоверности реликвии, покупает ерунду, попадает в нелепое положение, ссорится с женой, рассматривает памятники, испытывает страх на мотоцикле, а через пять минут уже наслаждается скоростью. Поэтому пейзаж никогда не превращается в путеводитель окончательно.

Особенно хорошо Белоусову удаётся юмор, возникающий из столкновения высокого и низкого. Петра – грандиозный памятник древности, где градус исторического пафоса постоянно сбивают лошадиные лепёшки. Священные места соседствуют с туристической коммерцией. Карнавалы – с местными VIP-трибунами. Урюпинская коза – с официальной городской идентичностью. Даже почти мистическая история двух редких двухдолларовых банкнот заканчивается совершенно белоусовским поворотом: жена тратит их на кофе, а автор спустя годы связывает эту бытовую потерю с последовавшим распадом брака и завершает: «Вот и не верь после этого в приметы».

Здесь хорошо видно другое достоинство сборника: автор способен ***разрешить смешному находиться рядом с болезненным***. Он не сооружает пьедестал даже для собственной биографии.

Но у этого качества есть и обратная сторона. У автора очень сильный инстинкт демифологизации. Он подозрительно относится к торжественности, официозу, религиозным легендам, государственному пафосу, туристическим ритуалам и вообще ко всему, что слишком настойчиво требует благоговения. В эпизодах о христианских святынях он постоянно проверяет предание здравым смыслом, но при этом способен признать ценность места независимо от собственной религиозности: после двухчасовой очереди к Гробу Господню он всё-таки приходит к выводу, что есть культурные артефакты, встретиться с которыми необходимо именно из-за их значения для цивилизации.

Вот эта двойственность – ***скептик, которому всё-таки необходимо прикоснуться к святыне***, – гораздо интереснее простого атеистического ёрничества. И я бы советовала автору именно её беречь.

Потому что иногда демифологизирующий инстинкт становится слишком автоматическим. Там, где Белоусов наблюдает конкретного человека, конкретную улицу, конкретный памятник или конкретную странность, он почти всегда хорош. Там, где он одним движением объясняет «арабов», «русских», верующих, чиновников, женщин, провинциалов или представителей другой культуры вообще, текст становится более плоским.

Не потому, что автор обязан быть политкорректным. Как раз нет. Обеззубить эту прозу было бы преступлением. Причина литературная: ***стереотип почти всегда беднее наблюдения***.

Живой египетский торговец, заговоривший по-русски, интереснее «восточного менталитета». Девушка, неподвижно сидящая возле дольмена, интереснее любой общей теории о мистиках. В сценах долины Жане Белоусов просто смотрит и слушает — девушку в капюшоне, продавщицу дудочек, зелёный сумрак, влажные камни – и вдруг пространство действительно начинает слегка проваливаться в Толкина. Здесь автор ничего не доказывает, и потому ему веришь особенно сильно.

Вообще, одна из лучших черт «Маленьких травелогов» – ***культурная всеядность автора***. Его мир населён одновременно Лермонтовым, Пелевиным, Лавкрафтом, Толкином, Шолоховым, Стивеном Кингом, Остапом Бендером, библейскими персонажами, советским кино и местными легендами. Он не делит культуру на «высокую» и «низкую»: если Мордор помогает увидеть донскую степь под грозовыми тучами, Мордор будет использован.

Иногда сравнений становится слишком много, и этот приём начинает быть предсказуемым. Но в целом именно он создаёт узнаваемую оптику автора: ***Роман Белоусов видит реальность через огромный склад уже прожитой культуры***.

При этом самые сильные страницы сборника, на мой взгляд, возникают тогда, когда ирония вдруг почти полностью исчезает.

«Тропами памяти» – один из таких текстов. У братских могил автор замечает, что история войны привычно приходит к нам номерами армий, дивизий и корпусов, превращаясь в статистику, пока физическое присутствие перед могилой не возвращает за цифрами отдельных людей – с радостями, страхами, мечтами и оборванными судьбами.

Здесь видно, что под язвительной оболочкой книги находится вовсе не циник. Наоборот. Белоусов чрезвычайно чувствителен к ***исчезнувшему человеческому присутствию***. Его притягивают заброшенные хутора, старые кладбища, развалины храмов, места боёв, музейные предметы детства. Он всё время пытается услышать тех, кого уже нет.

И именно поэтому я бы назвала память второй главной героиней сборника после самого рассказчика.

Есть ещё третья – ***подлинность***. Что настоящее, а что реконструированное? Что исторический объект, а что туристическая декорация? Что реликвия, а что удачно проданная легенда? Что городская традиция, а что новодельный бренд? Иногда автор ценит аутентичность, а иногда вдруг признаёт, что реконструкция Сарай-Бату производит более сильное впечатление, чем археологический оригинал. Это противоречие не мешает книге – наоборот, делает её интереснее. Потому что путешественник постоянно оказывается между двумя желаниями: прикоснуться к «тому самому» прошлому и получить настоящее переживание здесь и сейчас.

Есть у книги и редакторская проблема. Иногда автор перестаёт быть рассказчиком и превращается в лектора. Особенно заметно это в больших исторических и религиоведческих отступлениях. Начало «Буддийского форпоста», например, надолго переключается с путешествия на почти учебниковое изложение основ буддизма, его терминологии и представлений о

нирване. Сам материал интересен, но голос живого путешественника на какое-то время теряется.

Я бы безжалостно сократила такие фрагменты там, где сведения не работают непосредственно на переживание места. Не убрать знания – Белоусов именно тем и интересен, что знает много, – а заставить каждую справку отвечать на вопрос: ***зачем она нужна именно здесь?***

То же относится к фактуре, требующей отдельной проверки перед публикацией. В книге немало конкретных исторических цифр, церковных преданий, популярных версий происхождения названий, утверждений экскурсоводов и сведений из интернет-источников. Некоторые из них сам автор честно маркирует как легенды или спорные версии, но не всегда. Особенно высокая цена ошибки там, где речь идёт о массовых репрессиях и количестве погибших: например, рассказ о строительстве канала имени Москвы содержит очень сильные численные утверждения и свидетельства, которые перед книжным изданием необходимо проверять особенно тщательно. Это уже не вопрос стиля, а вопрос доверия читателя ко всему авторскому голосу.

Композиционно сборник тоже просит ещё одного прохода. Тексты различаются и по масштабу, и по внутреннему ритму: «Египетские каникулы» разрастаются почти в маленькую книгу внутри книги, рядом стоят значительно более компактные очерки. Это допустимо, но сборнику не хватает рамки – короткого авторского предисловия и особенно послесловия, которое объяснило бы, почему именно эти путешествия оказались собраны вместе.

Такое послесловие не должно пересказывать книгу. Достаточно ответить на один вопрос: ***что осталось от всех этих дорог спустя годы?*** Потому что сейчас из самого текста уже возникает сильный ответ, но его приходится собирать читателю самому.

Остались не страны. Остались эпизоды. Новый год в самолёте. Две несчастливые банкноты. Девушка возле дольмена. Старый советский сервант в музее. Могила солдата. Странный памятник. Ветер на мотоцикле. Белые меловые холмы. Человек, которого встретил один раз и почему-то помнишь десять лет.

И вот здесь «Маленькие травелоги» внезапно становятся книгой совсем не маленькой. Это сборник о том, ***как человек присваивает пространство памятью***, а потом обнаруживает, что спустя годы сами места становятся частью его биографии.

Я бы не стала делать Белоусова приличнее. Не стала бы вычищать всю грубую лексику, язвительность или неудобные оценки: вместе с ними легко вычистить самого автора. Но я бы сделала книгу точнее. Убрала часть справочного балласта, проверила историческую фактуру, сократила повторяющиеся конструкции и особенно внимательно прошлась по обобщениям, где конкретный наблюдатель уступает место человеку, слишком быстро решившему, что он уже понял целый народ или социальную группу. Парадоксально, но чем меньше Белоусов объясняет людей заранее, тем интереснее они у него получаются.

Итоговое впечатление у меня положительное и довольно сильное. Это неровная книга, но ***живая***. Неровность живого текста обычно лечится редактурой; отсутствие собственного голоса – почти никогда.

У Романа Белоусова голос есть. Узнаваемый, насмешливый, любопытный, временами раздражающий, временами неожиданно нежный. Он любит историю, но не любит официоз. Недоверчив к святыням, но чувствителен к сакральности. Может пошутить над памятником – и через несколько страниц замолчать перед могилой неизвестного человека.

И, пожалуй, именно это противоречие делает его хорошим проводником. Не экскурсоводом, который знает правильный ответ. А спутником, который идёт рядом, всё время что-то замечает, ворчит, смеётся, вспоминает прочитанное – и иногда вдруг останавливается перед какой-нибудь старой стеной и заставляет читателя тоже посмотреть на неё чуть дольше.

Я бы эту книгу читала дальше. А для травелога это, пожалуй, одна из самых важных рецензий.

Леди Димерзель Нейро

Египетские каникулы

Новый год в небесах

Новый 2012 год мы с моей женой Еленой собирались встретить в Табе – городе на самой обочине Синайского полуострова, на границе Египта с Израилем. Но, как гласит народная мудрость, «человек предполагает, а Бог располагает», и «гладко было на бумаге...»

Наш чартер должен был вылететь из Ростова-на-Дону в Шарм-эль-Шейх рано утром 31 декабря, с тем чтобы к вечеру пассажиры уже успели прибыть в табские отели и подготовиться к новогоднему банкету. Но меня стали терзать смутные сомнения уже когда мы ехали на маршрутке с автовокзала в аэропорт. Городские пейзажи за окнами автобуса терялись в густом белесом тумане, словно в фильме «Мгла» по Стивену Кингу.

Опасения оправдались – выяснилось, что рейс, по случаю тумана и нелётной погоды, задерживается на два часа. Поначалу это нас не особо насторожило, мы были уверены, что туман рассеется с наступлением дня. Но этого не произошло ни через два часа, ни через четыре. И отлёт всё откладывался и откладывался, раз за разом.

Мы с Еленой пообедали в приаэропортовском кафе, прогулялись по окрестностям, а туман, несмотря на обнадёживающие прогнозы, так и не самоликвидировался, и даже, кажется, стал ещё гуще. И только уже вечером, когда стемнело, наш самолёт, наконец, смог приземлиться и взлететь, ориентируясь на огни взлётно-посадочной полосы.

Поэтому получилось так, что Новый год по московскому времени мы встретили в небесах. Пролетая над границей Сирии и Иордании (как пояснил пилот, поздравивший пассажиров по внутренней связи). Я отпраздновал его наступление сделав добрый глоток своего любимого коньяка «Арарат», купленного перед отлётом в дьюти-фри, и закусив поцелуем жены, ибо приготовленный для нас праздничный стол был очень далеко внизу – в одном из раскинувшихся под иллюминатором городов, облепивших, подобно светящимся многолапым паукам, бездонно-чёрную гладь, имевшую знакомые по географическим картам очертания северной оконечности Красного моря. Вскоре самолёт, переваливаясь с крыла на крыло, пошёл на посадку.

Аэропорт Шарм-эль-Шейха встретил незадачливых странников ярким светом электрических огней и маслянистыми ароматами восточных благовоний, которые потом неотступно сопровождали нас всё время пребывания на египетской земле. Было странно и необычно попасть прямиком из промозглой туманной ростовской окраины в бархатную тёплую ночь, переполненную густыми летними запахами и многоголосым стрёкотом цикад, доносящимся из зарослей за окраиной аэропорта. Почему-то именно этот стрёкот запомнился мне острее всего.

А ещё Египет встретил нас российским шансоном, которым арабский водитель «радовал» русских туристов в микроавтобусе на протяжении всей дороги через Синайский полуостров, до самой Табы. Такого забористого и уголовного шансона я не слышал даже в России. Видимо, арабы считают эти хриплоголосые надрывные напевы такой же неотъемлемой частью русской национальной идентичности, как балалайка, ушанка и дрессированные белые медведи на улицах городов.

В конце 2011 года в Египте было неспокойно – ещё не утихли отголоски недавней «арабской весны», свергшей пожизненного президента Мубарака, после которой в стране случилось что-то наподобие небольшой гражданской войны. Несколько раз наш автобус останавливали на блок-постах, под днище ему совали зеркало на предмет обнаружения взрывных механизмов, а в салон заглядывали мрачного вида бородачи с обмотанными платками-«арафатками»

головами и с автоматами Калашникова, больше похожие на кинематографических басмачей или «романтиков с большой дороги», чем на военных.

Одна из таких остановок затянулась надолго. Я вышел из автобуса, отлить и размять ноги. Окружающий пейзаж был до крайности колоритным – пятачок земли между каменистыми кручами, где находилась стоянка, освещался лишь неровным пламенем костра, полыхавшего в металлической бочке, а вокруг, между каких-то деревянных конструкций, напоминающих прилавки (может быть, это был какой-то придорожный базар?) тусовались пёстро одетые чернявые люди самого подозрительного вида.

Ко мне подошёл небритый улыбчивый араб, похожий на цыгана, и спросил что-то по-английски.

– Ай донт ноу, – ответил я. – Ай донт спик инглиш.

– Джермен? – поинтересовался араб.

– Рашн, – сказал я.

– О, рашн, – обрадовался собеседник, и признёс: – Привьет! Как делья?

– Отлично! – показал я большой палец и полез в уже заводившийся автобус.

По дороге я познакомился с мужиком, сидящим через проход от меня, типичным представителем российского среднего класса времён высоких цен на нефть. Тот оказался завзятым дайвером. Настолько завзятым, что летал в Египет предаваться любимому хобби не по одному разу в год. И сейчас он ехал на сборище таких же фанатов дайвинга в одном из табских отелей. Дайверская тусовка собиралась регулярно, каждый раз на разных курортах, так что парень повидал и Хургаду, и Шарм-эль-Шейх, и поведал мне немало интересного про Египет.

Посмотрев на экран телефона, я обнаружил, что пришло время Нового года уже и по местному, египетскому времени, которое отстаёт от московского на два часа. По такому случаю я достал из сумки бутылку «Арарата», приложился и предложил попутчику. Тот сделал рукой отрицательный жест и в свою очередь протянул мне бутылку текилы. Но поскольку я не знал, как взаимодействуют две эти субстанции в желудке, то предпочёл остаться при своих.

До Табы мы добрались чуть ли не под утро. Раскидав наших попутчиков по их отелям, автобус, подвергнувшись очередной проверке на отсутствие бомбы под днищем, наконец высадил и нас у входа в огромный, многоэтажный «Хилтон», которому предстояло стать нашим домом на ближайшую неделю. Новогодний банкет, конечно, уже закончился, до нас докатился лишь запоздалый его отголосок – в глубинах отеля несколько голосов нестройно горланили песни на немецком, насколько я понял, языке.

За малый бакшиш в несколько долларов администратор на ресепшне заселил нас, по его уверениям, «в самый лучший номер». Подскочивший к нам половой буквально вырвал из моих рук сумки и потащил их к лифту. За что у дверей номера пришлось вознаградить его двухевровой монетой, предусмотрительно захваченной с собой специально для такого случая. Вообще, чаевые на Востоке принято давать по любому поводу. Арабы очень радушны и угодливы, но за всё ждут вознаграждения. И расценивается оно здесь не как подачка или, упаси боже, взятка, а как знак благодарности и дружелюбия.

Оказавшись, наконец, в номере, мы с Еленой, уставшие от всех передряг последних суток, сразу завалились спать.

«Хилтон Таба»

Разбудил нас яркий солнечный свет, льющийся в окна номера. Я, потянувшись, встал с широкой постели и вышел на балкон.

Администратор на ресепшне не обманул, номер действительно был хороший. Он находился на одном из самых верхних этажей отеля, потому вид с балкона открывался просто сказочный. Акабский залив, на берегу которого стоит «Хилтон Таба», лежал передо мной, как на

ладони. Этот залив носит имя иорданского города Акаба, расположившегося на его побережье (он, кстати, тоже был виден с нашего балкона). Впрочем, в Израиле этот же залив называется Эйлатским, потому что здесь же, по соседству, на самом острие клина, которым территория Израиля выходит к Красному морю, находится курортный город под названием Эйлат. Удивительно, почему египтяне не проявили патриотизма и не дали этому заливу собственное название, в честь Табы.

Вообще, северная оконечность Акабского залива – уникальное место, где сходятся территории сразу четырёх государств. Стоя на пляже Хилтона, в Египте, можно видеть одновременно Израиль, Иорданию и Саудовскую Аравию.

Я потом любил сидеть на балконе и медитировать на воды залива с переливающейся ослепительным сиянием солнечной дорожкой. Несколько раз в день над ними разносились протяжные вопли муэдзина, призывающие правоверных к намазу. Призывы эти не были сколько-либо эффективны, за всё время пребывания в Египте я всего пару раз видел молящихся, да и те выбирали для этого действа какие-нибудь укромные уголки. То ли Таба был каким-то исключительно безбожным городом, то ли Египет в целом перестал быть консервативной мусульманской страной, каким его по привычке у нас представляют. В пользу последнего говорила и длина мини-юбок арабских певичек в клипах, транслируемых по египетским музыкальным каналам, которые мы несколько раз смотрели из любопытства.

Тем не менее, восточный патриархальный менталитет из арабов пока ещё не выветрился. Наиболее зримо он проявлялся в том, что за всё время пребывания в отеле мы ни разу не увидели в штате его сотрудников ни одной арабской женщины, которые, видимо, жили по принципу «киндер, кирхе (с поправкой на местную специфику – мечеть) унд кюрхе». На всех должностях, начиная от управляющего и заканчивая поварами, горничными и прачками, работали исключительно мужчины. И совершенно непохоже было, чтобы усатые горничные хоть сколько-либо комплексовали по поводу своего рода занятий. Это в снобской России мужчина скорее повесится, чем станет заниматься «бабской» работой. Другая цивилизация.

У египетских мужчин в этом сезоне была повальная мода густо лакировать свои волосы, зачёсывая их назад, на манер мафиози из гангстерских фильмов, и благоухать тяжёлыми, сладкими запахами ароматических масел (хотя, может быть, это не мода, а национальные традиции такие, не знаю).

Тягучими ароматами масел были пропитаны не только люди, но и все помещения, включая салоны автобусов, и временами начинало казаться, будто ими пахнут даже камни и морские волны.

Вечером, гуляя по берегу моря, мы набрели на палатку торговца этими маслами, и, на свою голову, в неё зашли, что оказалось чревато немалыми убытками. Плутоватый молодой египтянин, вероятно пользовавшийся методами «цыганского» гипноза или техниками НЛП (больше я никак не могу объяснить произошедшее), впарил моей обычно разумной и рассудительной супруге целую партию своего товара (как потом оказалось, втридорога). Используя для впаривания порой совершенно абсурдные аргументы.

– А вот это духи с феромонами. Мужчина, который пользуется ими, неотразим для женщин… – сладкоголосо пел араб на хорошем русском языке, только с мягким восточным акцентом.

– Беру! – завороженно отвечала Елена. А я только поражался, с чего это моя обычно такая ревнивая жена вдруг решила пустить меня по рукам при помощи восточных духов.

Отошла от обаяния торговца она уже в номере. Но не бежать же было сдавать все эти пузырьки и курильницы обратно. Привезённых нами из Египта масел потом хватило на подарки всем родственникам и друзьям, и ещё осталось с избытком. А Елена с тех пор, гуляя по побережью, всегда морщилась как от зубной боли, завидев палатку пройдошистого торговца.

Прогулками по пляжам соседних отелей, вытянувшимся вдоль побережья, да самыми ближайшими окрестностями «Хилтона» наше знакомство как с Табой, так и Египтом в целом, и ограничилось. Благо, ни одна из соседских территорий не была закрытой, в отличие от нашего «Хилтона», за ограду которого бдительная охрана пускала только обладателей оранжевых пластиковых браслетов для идентификации «своих», надетых нам на запястья сразу по заселении. Я, конечно, неоднократно порывался совершить вылазку в город, но моя опасливая супруга всегда пресекала эти поползновения на корню.

Мы вообще были какими-то неправильными туристами из России – малопьющими и робкими, не то что некоторые. Нам рассказывали, что русские даже во время народных волнений «арабской весны» помогали свергать Мубарака в самой гуще протестующих. Не все, конечно, а самые безбашенные, каковых, впрочем, среди наших соотечественников почему-то всегда повышенный процент.

Хотя, нельзя не отдать должное нашему «Хилтону», в нём можно было жить безвылазно хоть годами, ибо всё необходимое для этого там имелось – номера с ежедневно меняемым постельным бельём, ресторан с выбором блюд на любой вкус, если ты, конечно, не утончённый гурман, отличный песчаный пляж с «грибками», шезлонгами и баром, куда можно было сгонять за коктейлями (тоже входившими в «all inclusive»), а также вечеринки с аниматорами, которые мы, впрочем, игнорировали, предпочитая им променады по берегу моря под бархатным египетским небом. И даже свой, внутренний базар с множеством лавок и лавчонок, торгующих, в основном, одеждой и сувенирами.

Владельцы лавок завлекали русского туриста кто во что горазд. Один повесил на дверях своего магазинчика самодельный плакат на русском языке, видимо, нарисованный для него какими-то нашими весёлыми соотечественниками: «Мустафа фуфло не гонит». Другой, стоя в дверях лавки, зазывал к себе словами: «У нас тут не хухры-мухры».

Сувениры были как с древнеегипетским, так и с арабским колоритом, благо, история страны фараонов и «Тысячи и одной ночи» даёт колоссальнейший простор для сувенирного креатива. На полках и прилавках вперемешку стояли Нефертити с Анубисами и кальяны с затейливой арабской вязью. Здесь же имелся богатый выбор икон для отъезжающих из Табы в Святую землю, чтобы не покупать их по завышенной цене в Израиле.

Одна беда – уже в скором времени начинаешь скучать от однообразия. И мы с Еленой, насытившись купанием на пляже, праздниками живота за шведским столом и вечерними прогулками по кромке прибоя, тоже заскучали. Пора было выбрать маршруты для экскурсий.

Я был сторонником долины Гизы и пирамид, но осторожная и предусмотрительнейшая Елена и слышать о них не хотела, напуганная слухами о бесчинствующих на египетских больших дорогах после «арабской весны» бандах и бедуинах, промышляющих киднеппингом. Поэтому было решено выбрать маршрут в другую сторону – в Израиль и Иорданию. Тем более что израильская граница находилась прямо под окнами отеля, а для того чтобы попасть на контрольно-пропускной пункт достаточно было подняться на пригорок.

Две несчастливые банкноты

Когда мы с Еленой наконец-то преодолели пограничный контроль на египетско-израильской границе и оказались на территории Земли обетованной, я первым делом направился в маленькую кафешку, притулившуюся здесь же, рядом с контрольно-пропускным пунктом, дабы взять себе и жене по стаканчику горячего кофе.

На дворе стояло очень раннее утро, только-только рассвело, и со стороны Акабского залива веяло свежестью. Это летом в здешних широтах, как говорят местные завсегдатаи, круглосуточная жара и духота, а в начале января бывает и довольно прохладно, как вот, например, было сейчас. Кроме того, не мешало бы взбодриться – ранний подъём, помноженный на долгое унылое стояние в очереди к КПП, давал о себе знать вялостью и зевотой.

При этом мы были ещё в очень выигрышном положении, так как жили здесь же, в Табе, и этот пограничный пост находился, как я уже упоминал, в самом буквальном смысле под окнами нашего отеля. А те, кто ехал сюда из Шарм-эль-Шейха (и таковых в нашей туристической группе было большинство), начали своё путешествие ночью, часа в два, так и не ложась спать.

Забрав большие картонные стаканы с кофе, я получил сдачу и хотел уже было сунуть её в карман. Но что-то в этих купюрах вдруг зацепило моё внимание, пока ещё неосознанно. И только присмотревшись к ним поближе, я понял, что же именно. В руке у меня лежали сразу две двухдолларовые банкноты! Событие совершенно невероятное.

Дело в том, что купюры эти очень редки, и их почти невозможно встретить в обращении. А когда таковые всё же кому-то попадаются, то, как правило, остаются храниться в бумажнике «на счастье», как талисман. Вокруг этих банкнот, якобы приносящих успех и притягивающих деньги, существует целая мифология. Ну а получить их сразу в двух экземплярах, на сдачу, является вообще случаем, посрамляющим теорию вероятности. Приверженцы эзотерики, верящие в знаки судьбы, усмотрели бы здесь явное знамение свыше.

Выйдя из кафешки, я показал нежданную добычу Елене и вручил ей на сохранение.

– Вернёмся в Россию – в бумажники положим, «на удачу», а пока пусть побудут у тебя, – сказал я.

К тому времени последние члены нашей группы уже миновали контроль, и мы, наконец, забрались в автобус, отправившийся через Эйлат к границе Иордании, где нам предстояло провести первую половину двухдневной туристической поездки. Сегодня нас ждали посещение Петры и ночёвка в Акабе, приморском иорданском городе, примечательном не только тем, что в его честь, как я уже говорил, получил название залив, вдоль берега которого мы сейчас ехали, но и тем, что этот красноморский порт является особой экономической зоной беспошлинной торговли, представляя из себя один колоссальный дьюти-фри.

Иорданский пограничный контроль мы прошли заметно быстрее израильского, после чего поехали к главной цели нашего визита в эту страну – легендарной Петре.

Сначала я смотрел в окно автобуса не отрываясь, раскрыв рот – пейзажи, проплывающие за стеклом, были совершенно не похожи ни на что когда-либо виденное мной. Это были безжизненные, без каких-либо признаков растительности, горы, чередовавшиеся с песчано-каменистой пустыней в жёлто-серых блеклых тонах, словно какой-то инопланетный, марсианский ландшафт. Но уже через полчаса эти пейзажи приелись по причине своего тотального однообразия, и я переключил часть своего внимания на гида.

Нашим экскурсоводом был молодой араб по имени Амер. Он говорил по-русски так грамотно, что могли бы позавидовать многие наши соотечественники, и почти без какого-либо акцента (сказались годы учёбы в России). Амер хохмил, острил, иногда довольно удачно, и между делом поведал немало интересного и познавательного про свою родину. Про то, например, как иорданский король Хусейн, подобно Гаруну-аль-Рашиду, переодевается простым бедуином и выходит на улицы, чтобы не понаслышке знать, чем живёт его народ, про палестинских беженцев, доставляющих иорданцам немало хлопот, про обмен Иордании с Саудовской Аравией территориями, в результате чего Иорданское королевство получило выход к морю, которого раньше не имело. Впрочем, саудиты тоже не прогадали, на том клочке земли, который они получили взамен, неожиданно обнаружились нефтяные месторождения. «Но зато мы теперь имеем морской порт, и он будет всегда, в отличие от нефти, которая рано или поздно закончится», – философски заключил Амер. Кроме того, он много и интересно повествовал про жизнь и быт иорданцев, иллюстрируя свои рассказы примерами из собственной жизни.

– А теперь закройте шторы на окнах, – неожиданно сказал Амер. – Сейчас мы будем проезжать мимо очень секретной военной базы, и если солдаты увидят, что кто-то выглядывает из окон автобуса, не миновать неприятностей.

Я почувствовал подвох, но шторку на окне задвинул. Через некоторое время автобус куда-то свернул и остановился.

– Теперь можете открывать, – сказал Амер.

Я отодвинул занавеску и замер от восхищения. Наш автобус стоял рядом с краем огороженного обрыва, за которым на многие километры расстилалась долина, вся изрезанная ущельями, сплошь каменная, и, как и горы, которые мы проезжали намедни, лишённая растительности. Совершенно эпическая картина.

– Это Аравийская долина, – пояснил Амер. (Потом я так и не нашёл этого названия ни на картах, ни в Интернете, наверное, это чисто местный топоним).

Я долго стоял на краю обрыва, вбирая в себя этот фантастический, захватывающий дух пейзаж, впитывая впечатления от него.

Но это были ещё цветочки по сравнению с Петрой – древним городом, целиком высеченным из камня в циклопических размеров ущелье, который мог бы достойно описать словами только разве что какой-нибудь великий поэт. И даже сделанные там снимки передают только сотую часть величественного духа и атмосферы одного из семи новых чудес света (Петра признана таковым в 2007 году, наряду с Великой Китайской Стеной, Колизеем, Тадж-Махалом и другими великими памятниками человеческой цивилизации).

Трудно представить себе, что в этом месте когда-то жили люди – оно больше походит на обиталище джиннов и ифритов из восточных сказок. И ещё здесь вспоминаются повести Лавкрафта о заброшенных пристанищах Великих Древних. Но, тем не менее, это город. Даже более того, один из самых древних городов на Земле. Камни этого ущелья – свидетели тех немыслимо давних времён, когда Петра (тогда она называлась Селой) была столицей Едома, жители которого воевали ещё с ветхозаветными евреями. Именно про них библейский царь Давид сказал в своём псалме: «Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: «разрушайте, разрушайте до основания его».

Ещё полтора тысячелетия спустя Петра стала столицей Набатейского царства. Потом Александр Македонский принёс в эти места на мечах своих гоплитов эллинскую культуру, что тоже нашло своё отражение в здешней архитектуре. А с начала нашей эры владельцы Петры стали сменяться, как в калейдоскопе – римляне, византийцы, арабы, крестоносцы, османы…

Сейчас же на остатках былого величия бродят толпы туристов (каждый год по ущелью проходят полмиллиона человек со всех концов света) и впаривают свои сувениры шумные, жуликоватые арабские торговцы. Да ещё носятся взад-вперёд упряжки лошадей. За несколько долларов они возят особо ленивых путешественников, оставляя за собой характерное амбре и дымящиеся лепёшки, в которые очень легко вляпаться, если чрезмерно заглядеться по сторонам и перестать смотреть под ноги. Что неизбежно отвлекает от созерцания красот и исторических достопримечательностей, и сбивает градус пафоса. Амер сразу посоветовал нам потереть тыльную сторону кисти ладаном, куски которого продавались в лавках перед входом в ущелье, дабы, когда навозные ароматы станут особенно невыносимыми, поднести намазанное благовонием место к носу. Надо полагать, вместо нашатыря.

В общем, как говорили бывшие хозяева Петры, древние римляне – sic transit gloria mundi, «так проходит мирская слава».

На каком-то из камней, по утверждению Амера – древнем алтаре, наш гид затеял шутейную церемонию бракосочетания по древнему обряду (который, как я подозреваю, сам же и изобрёл), в коей поучаствовали все желающие. Когда я потом выставил снимок нашей с Еленой «свадьбы» в своём Живом Журнале, мой московский друг Лёха Тарасенко пошутил: «теперь, если что против жены будешь – ихний там местный бог как бам-с тебе по голове!!!)))».

От обилия впечатлений мы даже не замечали холода, который в условиях высокогорья был довольно силён. И только на обратном пути в полной мере почувствовали, как замёрзли, тем более что наступил уже поздний вечер. Не согревали даже тёплые «арафатки», купленные

нами утром в лавке на иорданской границе по чудовищным ценам, за 40 долларов каждая (потом я видел в Табе такие же вчетверо дешевле).

Уже ночью наш автобус сделал остановку у большого сувенирного магазина, стоящего около обрыва, вид с которого так восхитил нас по пути в Петру. Но ещё раз полюбоваться сказочной долиной не удалось. В этих широтах после захода солнца становится темно, как у араба в жопе.

В магазине, словно пауки мух в своих тенетах, проезжающих туристов ждала целая орава торговцев. А в дальнем углу имелось даже какое-то подобие кафетерия с несколькими замызганными пластиковыми столиками. Туда и устремилась моя давно уже ёжившаяся от холода супруга.

– Надо срочно согреться. Кофе горячий будешь? – спросила она.

– А почём он здесь?

– Три доллара.

– Да пошли они на хер. Эти арабы тут головой стукнулись, что ли? Девяносто рублей за чашечку растворимого кофе – таких цен у нас даже в дорогих ресторанах нет.

– А я выпью, иначе, чувствую, заболею. Кстати, у тебя мелочь есть?

Я полез в карман, но там осталось лишь пятьдесят долларов одной купюрой.

Оставив Ленку за столиком, я пошёл осматривать сувенирные ряды, и за неимением иного занятия делал это до тех пор, пока, наконец, не был дан сигнал к посадке в автобус. До приезда в Акабу оставалось уже не так долго.

– А где те двухдолларовые банкноты, которые мне в Израиле на сдачу дали? – спросил я Елену, когда мы обосновались в акабском отеле, после ужина в тамошнем ресторане.

– Я на них горячий кофе купила в магазине, – спокойно ответила жена.

Я остолбенел, и, помолчав, осведомился:

– Ты что, не могла по-другому за этот кофе расплатиться?

– У меня кроме них самыми мелкими только десятидолларовые были. А у хозяина мелочи на сдачу не оказалось, вообще. Что, надо было в три раза переплачивать? Или ты хотел бы, чтобы из-за твоих бумажек жена заболела? – В голосе супруги проявились надрывно-раздражённые нотки, как всегда, когда она доказывала свою правоту.

За время своей семейной жизни я неоднократно убеждался в истинности восточной мудрости, гласящей, что тот, кто спорит с женой, попусту сокращает своё долголетие. Потому, молча пожав плечами, начал одеваться для похода в город. Не ругаться же из-за этих бумажек, в самом-то деле.

– Надо же, для жены два доллара пожалел, – всё ворчала Елена.

– Пойдём уже по магазинам, – напомнил я.

И мы отправились совершать мелкий шопинг по ночной Акабе.

Я решил не сожалеть о раритетных купюрах. Сделанного уже не вернёшь. Пришли и ушли, вильнув хвостиком, что уж тут поделаешь. Но, наверное, судьба не терпит неуважительного отношения к проявлениям своей благосклонности. И вместо анонсированных проёбанными «счастливыми» купюрами удач она начала потчевать нас чем-то совершенно противоположным. Всё в нашей семье пошло наперекосяк, началась череда неприятностей и нарастающего взаимного непонимания, что в конечном итоге привело нас к разводу в конце этого же года.

Вот и не верь после этого в приметы.

Святая земля

Во время переезда от Эйлата, куда мы вернулись утром после ночёвки в Акабе, к Мёртвому морю наш туристический автобус остановился на заправочной станции посреди пустыни, и экскурсовод объявил, что даёт двадцать минут на то чтобы посетить туалет, размяться и запастись продовольствием в призаправочном магазинчике. Заходя в дверь минимаркета, я

заметил краем глаза, периферийным зрением, белую точку в небе, но совершенно не придал ей никакого значения – мало ли самолётов летают туда-сюда над Израилем?

Через несколько минут, запасшись питьевой водой и каким-то фастфудом, мы с Еленой вышли из магазина. И тут меня вдруг посетило смутное ощущение, что в окружающем мире что-то не так, не совсем правильно, хотя я и не смог сразу отдать себе отчёт, что же именно. Лишь спустя некоторое время до меня, наконец, дошло – самолёт, который я заметил, заходя в маркет, и который давно уже должен был улететь, помахав крылом, до сих пор оставался на том же самом месте. И, судя по всему, не собирался с этого места сдвигаться.

Я обратил внимание жены на такое странное поведение воздушного транспортного средства.

– Да это, наверное, просто другой самолёт, – ответила она. – А кажется, что стоит на месте – из-за большого расстояния.

Ещё через минуту или две я снова поднял глаза и посмотрел в ту сторону. Белая точка оставалась там же. Предположить, что это третий самолёт, было бы уже слишком.

Странный объект продолжал висеть в небе, не двигаясь, и когда мы рассаживались по местам, и когда поехали дальше. Я обратился к экскурсоводу в надежде, что, может, хоть он даст объяснение сему необычному явлению, но тот только невнятно отшутился в том смысле, что чего только не увидишь на Святой земле. Наша половина автобуса приникла к окнам, но довольно быстро потеряла интерес к загадочному явлению и вернулась к своим делам. Я давно заметил, что наш человек в массе своей нелюбопытен, и когда сталкивается с чем-то необычным, не вмещающимся в рамки привычных представлений, ему проще отвернуться и перестать обращать внимание на такое явление, чем искать объяснение, ломая почём зря голову. А разве для того голова человеку дадена? В неё пиво пить надо.

Я стал снимать объект через оконное стекло, используя увеличительные способности объектива своего «Кэнона». Затем автобус, следуя капризам шоссе, развернулся на девяносто градусов, и НЛО (я уже начал про себя называть его именно так) пропал из поля зрения.

Потом, уже вернувшись в Россию, я выставил эти снимки в своём «Живом Журнале», и знающие люди в комментариях вроде бы признали в небесном объекте дирижабль. Только почему этот дирижабль не передвигался вместе с воздушными потоками, как свойственно всем его добропорядочным собратьям, а за добрых полчаса ни на йоту не сдвинулся с места?

Пока я размышлял, инопланетяне ли это летают над Негевской пустыней или израильская «оборонка» проводит какие-то испытания новой техники, наш автобус подъехал к Мёртвому морю. Сначала за окном тянулись совершенно безжизненные, просоленные и растрескавшиеся под палящими лучами солнца унылые земли, окаймляющие его берега, затем мы выехали к цивилизованным местам, где находился многолюдный пляж, а чуть поодаль стояли отели, вокруг которых даже росли пальмы и ещё какая-то зелень, явно насаженная искусственно и выглядящая здесь чужеродным элементом.

Существует легенда, согласно которой Мёртвое море образовалось на месте библейских городов Содома и Гоморры, уничтоженных «огнём и серой» библейским же богом Яхве, за нетрадиционную сексуальную ориентацию своих жителей. На самом деле, конечно, всё не настолько поэтично – впадина земной коры, на дне которой образовалось это озеро (морем его назвали ради красного словца) появилась благодаря движению тектонических плит.

В детстве я прочитал в какой-то научно-популярной книжке, что на воде Мёртвого моря можно сидеть как в кресле, но не мог себе такого представить, даже напрягая всё воображение. И вот мне довелось испытать это самому. Более того, здесь нельзя передвигаться иным образом – только сидя на воде и подгребая ладонями, словно вёслами, в нужном направлении. Потому что если вы перевернётесь на живот, то кувыркнётесь и окажетесь верхней частью тела под водой, выставив наружу лишь филейную часть, как поплавок. И выкрутиться из этого положения без посторонней помощи уже не будет никакой возможности.

Причина такой аномалии – сверхвысокая солёность воды. По этому показателю Мёртвое море занимает одно из первых мест в мире, наряду с нашим Баскунчаком.

Считается, что вода Мёртвого моря и грязь, добытая с его дна, обладают невероятно целебными свойствами. Не стану ничего утверждать, потому что, если это и так, для того чтобы таковые свойства себя проявили в полной мере, надо принять целый курс процедур, а не искупаться один раз, проездом. Единственное, в чём я убедился на практике – в регенерирующих способностях этой воды. Я и раньше слышал, что при купании здесь моментально, на глазах, заживают всякие ранки на коже, но считал, что это туристические байки. Но теперь удостоверился на собственном опыте (уместнее даже сказать – на своей шкуре), заметив, что на шее не стало свежего пореза, сделанного неосторожным движением лезвия, когда я брился утром в акабском отеле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.